

УДК: 159.922.7:314.622.44

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ОТЦА У МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ МАТЕРИНСКИХ СЕМЕЙ: ГЛАЗАМИ МАТЕРИ И СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ

Т.В. Скутина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В последние десятилетия в общественном сознании и науке происходит трансформация традиционной отцовской роли и выделение специфического вклада отца и его образа в развитие и благополучие ребенка. В связи с тем что неполные материнские семьи с детьми до 18 лет составляют сегодня в России около трети всех семей, особую значимость и актуальность приобретает проблема влияния матери на формирование внутренней репрезентации отцовской фигуры у мальчика-подростка в ситуации отцовской депривации [Николаева, 2025; Некрасова, 2025; Moles-Kalt et al., 2024; Morgan, 2025; Reis et al., 2025; Kgadima, Spaumer, 2026; и др.].

Цель статьи – представить теоретическое обоснование и результаты эмпирической проверки гипотезы: образ отца у мальчика-подростка не является прямым отражением его объективного поведения и качеств, а тем в большей мере опосредован материнским отношением к его отцу, чем меньше у подростка собственно опыта общения с ним.

Методология и методы. Исследование выполнено в субъектно-деятельностном подходе (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова и др.) с опорой на принцип детерминизма С.Л. Рубинштейна. Методологией эмпирического исследования выступает интегративный подход: сочетание качественного анализа проективных данных и методов математической статистики. Помимо вводной анкеты об участии отца в жизни семьи и ребенка, применялись: модификации методики 20 высказываний «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда: «Мой отец моими глазами» и «Мой отец глазами моей матери»; авторская проективная методика «Отношение матери к отцу и взаимодействию с ним», построенная на методическом приеме «незаконченных предложений», а также опросник «Юношеский отчет о родительском отношении» [Тихомирова и др., 2021]. Выборку составили 40 мальчиков-подростков 12–14 лет: 20 подростков из полных семей и 20 – из неполных материнских семей.

Результаты исследования. Результаты по трем методикам показывают, что преобладающими особенностями образа отца мальчиков-подростков из неполных материнских семей являются обедненность характеристиками, их преимущественно негативное эмоциональное значение, ожидание эмоционального отвержения от отцовской фигуры; не выявлено статистически значимых различий между собственным образом отца и образом отца «глазами матери». Исключения составляют подростки, регулярно общающиеся с отцом или у которых мать транслирует позитивное отношение к умершему отцу. В отличие от подростков из полных семей, у которых собственный образ отца более полон, разносторонен, позитивен и относительно автономен от предполагаемой материнской оценки, различия значимы как по позитивным, так и по негативным характеристикам.

Заключение. Полученные данные позволяют сделать вывод, что образ отца мальчика-подростка из неполной материнской семьи в гораздо большей степени находится под влиянием материнского отношения к отцу и общения с ним, чем у подростков из полных семей. В случаях когда подросток лишен возможности составить собственное представление об отце из непосредственного общения с ним, он практически полностью повторяет материнский образ отца, который в подавляющем большинстве случаев является негативным, что создает риски, поскольку негативный образ отца, как показывают исследования – неблагоприятная основа для личностного развития и благополучия подростка.

Новизну исследования составляет выявление опосредующего влияния матери на образ отца у мальчика-подростка, проведенное с опорой на методологический принцип С.Л. Рубинштейна: «внешние причины действуют лишь через внутренние условия...», через субъективные репрезентации подростка как своего образа отца, так и материнского.

Полученные результаты подтверждают необходимость психологической помощи матерям, в одиночку воспитывающим детей, в понимании того огромного влияния, которое они, чаще неосознанно, оказывают на формирование образа отца подростка, а также в разрешении сложной этической дилеммы между реалистичностью и избыточной негативностью, односторонностью репрезентации образа отца.

Ключевые слова: *неполная материнская семья, полная семья, образ отца глазами подростка, образ отца подростка глазами его матери, влияние матери на образ отца подростка.*

Скутина Татьяна Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и консультирования института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет (Красноярск); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1772-8108>; ScopusAuthor ID: 57204810030; e-mail: tvforte@mail.ru

Постановка проблемы. Одной из наиболее актуальных и изучаемых в современном обществе является проблема роли отца в жизни семьи и развитии детей. Современная психологическая антропология и психология развития с начала XXI в. претерпели существенную трансформацию в понимании отцовской роли. Если классические теории XX в. зачастую рассматривали отца как периферийную фигуру по отношению к диаде «мать – дитя», то современные исследования выделяют и специфическое влияние отцов [Калина, 2019; Lamb, 2000; Stern et al., 2024]. Традиционная гендерная роль отцов как кормильцев семьи и носителей моральных ценностей во всем мире трансформировалась в более эгалитарную роль – в последние десятилетия отцы стали более активно участвовать в уходе за детьми, проводить с ними больше времени, выступать фигурами привязанности [Stern et al., 2024], стали более эмоционально доступны [Lamb, 2000]. Эта общемировая тенденция обозначается исследователями как феномен «нового отцовства».

Противоположная тенденция состоит в постепенном «вымывании» отцов из семейной системы, где развивается ребенок, вследствие роста неполных материнских семей, которых, по данным Всероссийской переписи населения 2021 г., насчитывалось 4,85 млн, почти треть (31,3 %) от общего числа семей с детьми до 18 лет в России [Смирнов, Селиванова, 2023]. В связи с чем особую значимость приобретает изучение особенностей развития детей и подростков в отсутствие отца в семье, заостряется вопрос влияния матери на формирование внутренней репрезентации отцовской фигуры у ребенка [Верстова, Верстов, 2025; Николаева, 2025; Некрасова, 2025; Moles-Kalt et al., 2024; Morgan, 2025; Reis et al., 2025; Kgadima, Spaumer, 2026; и др.].

Цель статьи – представить теоретическое обоснование и результаты эмпирической проверки гипотезы: образ отца у мальчика-подростка тем больше опосредован материнским отношением к его отцу, чем меньше у подростка собственного опыта общения с ним.

Обзор научной литературы по проблеме. Влияние отца на развитие ребенка после развода. В случае развода – наиболее распространенной причины образования неполной материнской семьи в России [Смирнов, Селиванова, 2025] – ребенок может оказаться в сложном социальном и психологическом положении, утрав привычные ориентиры [Николаева, 2025]. Однако неблагоприятные последствия развода для подростка связаны не столько с отсутствием отца самого по себе, сколько с качеством семейной атмосферы. Разлад и высокая конфликтность в полной семье могут быть более вредными, чем проживание с одинокой матерью [Beckmeyer et al., 2020; Golombok et al., 2021].

Если после развода отцы сохраняют последовательное и чуткое взаимодействие с детьми, они чаще формируют надежную привязанность и демонстрируют более высокие долгосрочные образовательные результаты [Kgadima, Spaumer, 2026]. Одним из факторов, нарушающих такое взаимодействие, современные исследования называют материнское ограничение доступа, или материнский гейткипинг. Контролируя или ограничивая участие отца в воспитании детей после развода, мать может ослаблять его родительскую позицию отца и способствовать закреплению представления о нем как «безответственном» или «нерадивом» [Reis et al., 2025; Kgadima, Spaumer, 2026].

Таким образом, снижение благополучия детей в семьях одиноких матерей чаще связано не с самим одиночным родительство, а с сопутствующими разводу факторами: финансовыми и социальными трудностями, психологическим состоянием матери и качеством участия отца в жизни ребенка [Cao et al., 2022; DeAnda et al., 2020].

Особенности и функции образа отца в неполной материнской семье. Отцы играют критически важную, но недооцененную роль в развитии подростков, оказывая, по результатам множества исследований, влияние на различные стороны развития [Stern et al., 2024]. Но в неполной материнской семье отец присутствует в жизни ребенка не столько в непосредственном

контакте, сколько в символическом плане, в виде образа отца. Несмотря на фактическое присутствие, отец присутствует в жизни ребенка психологически: у каждого человека, независимо от состава семьи, сформирован определенный образ отца [Калина, Холмогорова, 2007; Кудайберген, Васягина, 2024; Волохова и др., 2025; Градинар, Васягина, 2025].

В соответствии с концепцией генеза общения М.И. Лисиной образ другого, как и образ себя, складывается в процессе общения с другим, выступая его продуктом и отражая его качество. А подросток в неполной материнской семье может быть лишен общения с отцом или крайне в нем ограничен. Как следствие, у подростков, редко общающихся с отцом, в его образе преобладают отвержение, эмоциональная дистанция, непоследовательность, отсутствие сотрудничества. И напротив, в образе подростков, поддерживающих систематические контакты с отцом после развода, преобладают качества, связанные с близостью, сотрудничеством и принятием [Градинар, Васягина, 2025].

Важно отметить, что качества образа отца влияют на развитие подростка аналогично тому, как влияют качества и характер отношений с реальным отцом. Так, мальчики-подростки, имеющие низкий уровень депрессивности, воспринимают отца как выражающего эмоционально теплое отношение к своему ребенку. Негативный же образ отца соответствует повышенному уровню тревоги и склонности к депрессивным состояниям, ощущению нестабильности и непонимания [Калина, Холмогорова, 2007; Архиреева, 2020]. Такие негативные черты образа отца, как критикующий, обесценивающий и презирующий, непредсказуемый и неорганизованный, оказывают разрушающее воздействие на показатели жизнеспособности, вызывая стресс, неуверенность, и снижают качество личностного развития подростка [Волохова и др., 2025].

Позитивный и даже нейтральный образ отца стирают последствия его физической недоступности для становления полоролевой идентичности мальчика-подростка, и это оказывается даже более важным фактором, чем

отсутствие отца само по себе [Калина, Холмогорова, 2007; Архиреева, 2020]. Образ отца, включающий такие характеристики, как заинтересованность, забота, внимание, поддержка, требовательность и контроль, позитивно влияет на личностную, семейную и контекстную жизнеспособность подростка, создавая устойчивую основу для его развития и взаимодействия с миром [Волохова и др., 2025].

Исследования показывают, что образ отца у детей из неполных материнских семей либо значительно более негативен, чем у детей из полных семей [Некрасова, 2025], либо слишком идеализирован – и это другая крайность. Созданный не на основе реального взаимодействия, а на базе традиционных представлений, он с большой вероятностью приведет к конфликтам из-за несоответствия ожиданий реальности [Николаева, 2025].

Ситуации, затрудняющие репрезентацию матерью позитивного образа покинувшего семью отца ребенка. Как было отмечено выше, в неполной материнской семье подросток чаще всего не имеет возможности строить и ежедневно проверять образ отца в непосредственном взаимодействии. Одним из источников информации об отце, основным интерпретатором отцовской фигуры становится мать. Через ее оценки, интонации, эмоциональные реакции, рассказы, практику разрешения или запрета контактов формируется представление отца во внутреннем мире подростка. Именно мать может поддерживать позитивный образ отца даже в условиях дефицита общения с ним [Калина, Холмогорова, 2007].

Однако расставание с отцом ребенка вряд ли происходит на основе позитивных образов друг друга, чаще, напротив, оставляет у матери тяжелый психологический след, а также создает комплекс сложных проблем: финансовых, бытовых, социально-ролевых. Рассмотрим несколько примеров, отягощающих отношения матери к отцу ребенка и к его общению с ребенком после развода.

1. Домашнее насилие в отношении как самой матери, так и детей, послужившее причиной

развода [Maiti, 2024; Morgan, 2025], не всегда прекращается при расставании с партнером-агрессором, а может переходить в нефизические принудительные тактики, такие как финансовое насилие и правовые манипуляции [Heron et al., 2022], а также использование детей в качестве средства косвенного контроля [Perez-Vaisvidovsky et al., 2024; Tambasco, 2024]. Из-за этого матерям становится сложнее договариваться о порядке общения с ребенком, что создает риски для отношений между отцом и ребенком. Кроме того, переживания матери, выплескиваясь через эмоциональную экспрессию, слова и действия, могут формировать у детей обиду по отношению к их жестоким отцам [Morgan, 2025].

2. Незапрещенный супружеский конфликт нередко переходит в плоскость детско-родительских отношений, порождая феномен индуцированного отвержения отца. Это крайняя форма вовлечения ребенка в конфликт через целенаправленное формирование у него устойчивого негативного образа отца и ограничение их контактов. Помимо этого, мать может неосознанно проецировать на ребенка негативные эмоции, адресованные его отцу, что может повлечь устойчивые нарушения как на поведенческом, так и на эмоциональном уровне [Верстова, Верстов, 2023].

3. В зависимости от того как складываются отношения с отцом ребенка после развода, может изменяться готовность матери поддерживать его общение с ребенком. Так, в исследовании А.К. Моргана большинство матерей сообщили об активном поощрении общения между отцом и ребенком сразу после расставания и сдвигах в сторону ограничения или прекращения контактов с течением времени, вследствие неблагоприятной эволюции отношений и накопления негативного опыта [Morgan, 2025].

4. Большая часть ответственности за ребенка, организацию его жизни в наше время по-прежнему ложится на матерей. Эта асимметрия распределения прав и обязанностей, наряду с ограниченными механизмами защиты прав матерей в случаях когда биологические отцы не

выполняют свои обязанности, ставит одиноких матерей в особенно сложное положение [Moles-Kalt et al., 2024].

5. Необходимость совмещать воспитание ребенка с финансовым обеспечением семьи обостряет дилемму «работа – уход» для матери-одиночки. Она оказывается перед выбором: участвовать в рынке труда при минимальной господдержке или оставаться безработной, полагаясь на недостаточную социальную помощь. Состояние непрерывного выбора и принятия решений, в котором одинокие матери вынуждены постоянно управлять ограниченными ресурсами и перераспределять их, зачастую приводит к постоянной психологической нагрузке и напряжению [Munir et al., 2024].

6. В процессе качественного исследования А.К. Моргана уловил двусторонний эффект между языком, восприятием и эмоциями у одиноких матерей. Частое использование негативных высказываний при описании отца своих детей приводило их к все более пессимистическому взгляду на него, выливаясь в ограничение их взаимодействия с детьми, что провоцировало новый виток негативных эмоций и запускало «нисходящую спираль» в восприятии отношений с отцом ребенка [Morgan, 2025].

Отметим для полноты картины, что, наряду с перечисленными выше, существуют и иные случаи возникновения неполной материнской семьи, не отягощенные столь негативным отношением матери ребенка к его отцу, такие, например, как смерть отца, искусственное оплодотворение.

Итак, изучив исследования образа отца у подростков (в том числе из неполных семей), мы выявили нехватку данных о роли матери в формировании представлений об ушедшем отце. Наше исследование восполняет этот пробел и направлено на установление связи между образом отца у мальчика-подростка из неполной семьи и восприятием/отношением к нему матери с учетом опыта взаимодействия ребенка с отцом и причин отсутствия отца в семье.

Методология и методы. Исследование выполнено в субъектно-деятельностном подходе

(С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова и др.) с опорой на принцип детерминизма С.Л. Рубинштейна. Методологией эмпирического исследования выступает интегративный подход: сочетание качественного анализа проективных данных и методов математической статистики.

Основываясь на методологическом принципе С.Л. Рубинштейна: «внешние причины действуют лишь через внутренние условия...» [Рубинштейн, 1976], – мы изучали репрезентации в индивидуальном сознании подростка (в виде образов и представлений) как своего отца, так и отношения матери к его отцу и взаимодействию с ним при помощи следующего комплекса методик.

1. Вводная анкета для сбора необходимой информации о подростке, составе семьи, о характере общения и взаимодействия с отцом, отношении к нему матери. В случае неполной материнской семьи – о причинах и сроках отсутствия отца в семье, о наличии замещающей мужской фигуры, выполняющей функции второго родителя (отчим, дедушка, дядя, старший брат и т.п.).

2. Модификация методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Марпартленда (Румянцева, 2006) в вариантах «Мой отец моими глазами» «Мой отец глазами моей матери», при этом подросток определял эмоциональное значение каждой характеристики.

3. Авторская проективная методика «Отношение матери к отцу и взаимодействию с ним», построенная на методическом приеме «незаконченных предложений» [Пахомов, 2012].

4. Опросник «Юношеский отчет о родительском отношении» [Тихомирова и др., 2021] с вариантами инструкции: «Пожалуйста, ответь на следующие вопросы в соответствии с тем: а) каким ты в настоящее время видишь своего родного папу и б) каким ты в настоящее время представляешь своего родного папу, если бы он был (если бы он с тобой виделся)».

5. Для решения статистических задач сравнения связанных выборок использован критерий знаковых рангов Уилкоксона, сравнения

независимых выборок – критерий Манна – Уитни; для оценки силы и направления связи – коэффициент ранговой корреляции Спирмена; для сравнения категориального распределения ответов в двух группах – критерий χ^2 Пирсона и размер эффекта Крамера (Cramer's V).

Выборку составили 40 мальчиков-подростков 12–14 лет, учащиеся школ города Красноярска: 20 подростков из полных семей и 20 – из неполных материнских семей. В полных семьях отцы проживают с семьей постоянно. В неполных: у двух подростков отец отсутствует по причине смерти, трое видятся с отцом регулярно, остальные либо никогда не видели отца, и он никогда не принимал участие в их жизни, либо принимал, но до определенного возраста, а затем перестал. В сборе данных приняла участие О.А. Возная в процессе выполнения дипломного исследования под нашим руководством.

Каждый из 40 подростков выполнил все предлагаемые методики и пояснил, при необходимости, свои ответы в процессе индивидуальной беседы.

Результаты исследования. Соотношение образов отца в собственном восприятии подростков и «глазами матери». По данным модифицированной методики «Кто Я?», выявлены выраженные различия между подростками из полных и неполных материнских семей.

У подростков из полных семей собственный образ отца является преимущественно позитивным, дифференцированным и развернутым. Среднее количество указанных характеристик 18 ± 2 . Позитивные характеристики в образе «Отец моими глазами» составляют в среднем 87,75 % и отличаются разнообразием описанных аспектов. Это просоциальные качества: «заботливый», «отзывчивый», «очень добрый», «честный», «ответственный», «всегда поможет»; коммуникативные: «откровенный», «разговорчивый», «веселый»; отношение к труду: «работяга», «труженик», «мастер на все руки»; отношение к отцу: «любимый», «лучший», «крутой». Среди отрицательных характеристик, доля которых составила 12,25 %: «злой», «агрессивный», «псих», «плохой»,

«неспортивный», «ленивый». Интересно, что у подростков из полных семей встречаются сложные, двойственные оценки, такие как: «хороший, но ворчун», «строгий, но справедливый». На наш взгляд, это отражает способность интегрировать противоположные качества в единый живой, многогранный и реалистичный образ отца. При этом подростки воспринимают предполагаемый материнский образ их отца как более критичный: доля положительных характеристик в нем ниже – 79,10 %, а отрицательных выше – 20,95 %.

Различия между собственным образом отца и образом отца «глазами матери» у подростков из полных семей статистически значимы: $W = 24,0$; $p = 0,002$. Это означает, что подростки из полных семей не полностью перенимают материнскую оценку отца, а формируют собственный, менее негативный образ. Одновременно между двумя образами выявлена значимая положительная корреляция Спирмена: $\rho = 0,456$; $p = 0,043$. Следовательно, собственный образ отца и реконструируемый материнский образ отца связаны между собой, но не совпадают полностью (табл. 1).

Таблица 1

Статистические показатели распределения характеристик в образах «Мой отец моими глазами» и «Мой отец глазами моей матери» у подростков из полных семей

Table 1

Statistical indicators of the distribution of characteristics in the images “My Father Through My Own Eyes” and “My Father Through My Mother’s Eyes” among adolescents from two-parent families

Состав семьи подростка	Диапазон значений, %	Среднее значение и стандартное отклонение, $M \pm SD$	Медиана, Me
Полная семья	Положительные характеристики в образе «Мой отец моими глазами»		
	75,00–100,00	87,75±7,50	90,00
	Положительные характеристики в образе «Мой отец глазами моей матери»		
	62,00–95,00	79,10±11,42	77,00
	Коэффициент корреляции Спирмена $\rho = 0,456$; $p = 0,043$ Критерий знаковых рангов Уилкоксона $W = 24,0$; $p = 0,002$		
	Отрицательные характеристики в образе «Мой отец моими глазами»		
	0,00–25,00	12,25±7,50	10,00
	Отрицательные характеристики в образе «Мой отец глазами моей матери»		
	5,00–39,00	20,95±11,50	23,00
Коэффициент корреляции Спирмена $\rho = 0,456$; $p = 0,043$ Критерий знаковых рангов Уилкоксона $W = 24,0$; $p = 0,002$			

Иная картина обнаружена у подростков из неполных материнских семей. Можно назвать ее обратной по соотношению характеристик с положительным и отрицательным эмоциональным значением. Их собственный образ отца значительно более негативен, как и воспринимаемый образ «глазами матери»: средние доли негативных характеристик – 55,45 и 60,30 % соответственно, менее развернутый – в среднем 5 ± 3 характеристик. Такого рода характеристики отличаются крайней степенью негативной окраски – от прямых обвинений: «ушел от нас», «бросил свою семью» – и указаний на жестокое

обращение: «может ударить», «агрессивный» – до резких личностных оценок: «плохой отец», «зло», «ужасный», «никакой».

При этом статистически значимых различий между собственным образом отца и образом отца «глазами матери» у подростков из неполных материнских семей не выявлено: $W = 94,5$; $p = 0,695$. Корреляции между двумя образами также не достигают уровня статистической значимости: для отрицательных характеристик $\rho = 0,334$; $p = 0,150$; для положительных характеристик $\rho = 0,336$; $p = 0,147$ (табл. 2).

Таблица 2

Статистические показатели распределения характеристик в образах «Мой отец моими глазами» и «Мой отец глазами моей матери» у подростков из неполных материнских семей

Table 2

Statistical indicators of the distribution of characteristics in the images “My Father Through My Own Eyes” and “My Father Through My Mother’s Eyes” among adolescents from single-mother families

Состав семьи подростка	Диапазон значений, %	Среднее значение и стандартное отклонение, M±SD	Медиана, Me
Неполная материнская семья	Положительные характеристики в образе «Мой отец моими глазами»		
	5,00–93,00	44,55±35,27	35,00
	Положительные характеристики в образе «Мой отец глазами моей матери»		
	0,00–100,00	39,65±37,83	23,50
	Коэффициент корреляции Спирмена $\rho = 0,336$; $p = 0,147$ Критерий знаковых рангов Уилкоксона $W = 94,5$; $p = 0,695$		
	Отрицательные характеристики в образе «Мой отец моими глазами»		
	7,00–95,00	55,45±35,27	65,0
	Отрицательные характеристики в образе «Мой отец глазами моей матери»		
0,00–100,00	60,30±37,91	76,50	
Коэффициент корреляции Спирмена $\rho = 0,334$ при $p = 0,150$ Критерий знаковых рангов Уилкоксона $W = 94,5$; $p = 0,695$			

Это позволяет сделать важный вывод: у подростков из полных семей собственный и материнский образы отца различаются, но остаются согласованными; у подростков из неполных материнских семей они статистически значимо не различаются, но между ними нет и устойчивой согласованной связи. Образ отца у подростков неполной материнской семьи оказывается более негативным, более вариативным по выборке вследствие отличного от большинства опыта отношений с отцом отдельных подростков.

Восприятие мальчиками-подростками материнского отношения к отцу. Данные методики незаконченных предложений «Отношение матери к отцу и взаимодействию с ним» усиливают и конкретизируют сделанный выше вывод.

Данные табл. 3 показывают, что подростки из полных семей воспринимают отношение матери к отцу преимущественно как благоприятное: позитивно окрашенные высказывания встречаются почти в 7 раз чаще негативных.

У подростков из неполных материнских семей, напротив, преобладают высказывания отрицательного значения – их почти в 2 раза больше, чем положительных и почти в 5 раз больше, чем у подростков из полных семей.

Различия между группами статистически значимы: $\chi^2 = 97,64$; $df = 2$; $p < 0,001$. Размер эффекта Cramer’s V (V Крамера) = 0,45, что указывает на сильную связь между составом семьи и эмоциональным значением воспринимаемого мальчиком-подростком отношения матери к его отцу (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов подростков по эмоциональному значению по методике «Отношение матери к моему отцу и взаимодействию с ним»

Table 3

Distribution of adolescents’ responses by emotional valence according to the technique “The Mother’s Attitude Toward My Father and Toward Interaction with Him”

Состав семьи	Количество ответов/доля, %		
	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Полная семья	149 / 62	22 / 9	69 / 29
Неполная материнская семья	55 / 23	104 / 43	81 / 34

Качественный анализ ответов показывает, что характерны разнообразие позитивных высказываний о самых разных сторонах и проявлениях отца, отношение к нему подростков из полных семей, живой разговорный стиль – создается впечатление, что они во-многом воспроизводят слова, произносимые матерью. Например: мама часто говорит мне, что мой папа... «крутой», «красавчик», «храбрый», «делает все ради семьи». А также: я часто слышу, как моя мама говорит, что мой папа... «добрый», «крутой в плане воспитания», «умный». Мама относится к папе... «доверительно», «с любовью и добротой».

Внутренние основания отличного от материнского, более позитивного образа отца у подростков из полных семей, обнаруженного по модифицированной методике «Кто я?», приоткрывают такого рода ответы: когда мама говорит о папе плохо, мне хочется... «не слушать это», «поспорить с ней», «она не говорит плохо», «мне обидно за папу».

И напротив, подростки из неполных материнских семей значительно чаще воспринимают материнское отношение к отцу как отрицательное, дистанцированное или эмоционально обидное и выражают его в общем виде: «плохой», «никак» (в примере табл. 4).

Таблица 4

Примеры типичных ответов мальчиков-подростков из полной и неполной семей по методике «Отношение матери к моему отцу и взаимодействию с ним»

Table 4

Examples of typical responses of adolescent boys from two-parent and single-mother families according to the technique “The Mother’s Attitude Toward My Father and Toward Interaction with Him”

Незаконченные предложения методики	Ответы подростка	
	из полной семьи	из неполной семьи
1. Мама часто говорит мне, что мой папа...	<i>трудолюбивый, но ворчун</i>	<i>плохой</i>
2. Мне кажется, что моя мама, когда думает о моем папе, чувствует...	<i>любовь</i>	<i>ничего</i>
3. Я часто слышу, как моя мама говорит, что мой папа...	<i>смышленный</i>	<i>плохой</i>
4. После разговора с папой по телефону мама...	<i>задумывается</i>	<i>она не разговаривает с ним</i>
5. Когда мама говорит о папе плохо, мне хочется...	<i>не слушать это</i>	<i>ничего</i>
6. Часто после встречи с папой мама...	<i>радуется</i>	<i>они не встречаются</i>
7. Мама относится к папе...	<i>с любовью и добротой</i>	<i>плохо</i>
8. Я думаю, что мама хочет, чтобы папа...	<i>не был таким ворчливым</i>	<i>ничего не писал ей плохого</i>
9. После разговора с мамой о папе я чувствую себя...	<i>хорошо</i>	<i>плохо</i>

Особенно значимо, на наш взгляд, что у подростков из неполных материнских семей встречаются не только прямые отрицательные суждения об отце от лица матери, такие как: «пьяница безработный» «плохой отец», «ненавидит его», – но и признаки эмоционального разрыва: «ничего», «она не разговаривает с ним», «не знаю», «мама не говорит об отце». Это может указывать на восприятие отца как фигуры, исключенной из актуального семейного эмоционального поля.

Как исключение из этой тенденции можно привести примеры ответов вкуче с особенностями отношений с отцом следующих респондентов:

а) у подростка Н. (12,5 года) отец умер, когда мальчику было 3 года. Тем не менее его образ отца достаточно полный по всем методикам, и незаконченные предложения от лица матери он завершал, например, так: мама говорит, что «отец был хороший», «добрый», «сильно меня любил»;

б) у И. (13,5 года) отношения с отцом очень близкие. Родители развелись по инициативе матери, когда мальчику было 11 лет, среди его ответов: мама говорит, что папа «меня любит», чувствует к нему «доверие», относится к папе «хорошо».

Положительные ответы в выборке подростков из неполных материнских семей по всем методикам даны преимущественно респондентами, у которых отец либо умер, либо продолжает взаимодействовать с ребенком. Это показывает: при определенных обстоятельствах отсутствия отца в семье и отношениях расставшихся родителей, даже если отец не живет в семье и не общается с ребенком, мать все равно может транслировать ребенку и свое положительное отношение к его отцу, и хорошее отношение отца к ребенку, интериоризируемое им.

Таким образом, данные проективной методики «Отношение матери к моему отцу и взаимодействию с ним» показывают, что негативизация образа отца у подростков из неполных материнских семей существует не изолированно, а включена в более широкий контекст воспринимаемого материнского отношения к отцу.

Восприятие подростками отношения отца к себе. Третья методика, опросник «Юношеский отчет о родительском отношении», позволила оценить, каким подростки воспринимают или представляют отношение отца к себе.

По шкале эмоциональной теплоты/отвержения у подростков из полных семей выявлены высокие положительные значения: $M = 16,45$; $M_e = 17,00$, что указывает на восприятие отца как эмоционально теплого, принимающего, включенного.

У подростков из неполных материнских семей, напротив: среднее значение оказалось отрицательным: $M = -9,40$; $M_e = -15,00$, что свидетельствует о преобладании представления об отце как эмоционально холодном, отвергающем или недоступном в психологическом смысле.

Различия между группами статистически значимы: $U = 394,0$; $p < 0,001$ – и очень сильно выражены, на что указывает размер эффекта $r = 0,83$.

Подчеркнем, что инструкция для этой группы предполагала не только актуальное восприятие, но и представление: «каким ты представляешь своего отца, если бы он был/если бы он с тобой виделся». Поэтому полученные данные отражают не просто реальное взаимодействие, а субъективную реконструкцию отцовского отношения.

Принципиально важно, на наш взгляд, что даже в ситуации отсутствия отца или отцовской депривации подросток формирует представление о том, каким отец мог бы быть по отношению к нему, во многом из семейного контекста. У мальчиков из неполных материнских семей это представление чаще оказывается окрашено переживанием эмоционального отвержения.

Выводы. Совокупность полученных данных позволяет сделать вывод, что образ отца у мальчиков-подростков из неполных материнских семей гораздо более негативен и содержательно обеднен, особенно в плане положительных характеристик, а также в значительно большей мере находится под влиянием материнского отношения к отцу и общения с ним, чем у мальчиков-подростков из полных семей. Кроме того, важным считаем факт, что у мальчиков-подростков из неполных материнских семей отец представлен не только как менее позитивная и более неясная фигура, но и как фигура, от которой подросток не ожидает эмоционального принятия, то есть негативизация касается не только оценки личности отца, но и представления о его отношении к самому ребенку.

Статистическая неразличимость собственного образа отца и образа «глазами матери» свидетельствует о высокой степени их близости. При этом отсутствие значимых корреляций показывает, что речь идет не о простом копировании материнской позиции. Вероятно, эти два образа формируются в рамках единого негативного эмоционально-смыслового поля: в условиях дефицита непосредственного взаимодействия, материнского негативного или дистанцированного отношения к отцу, а также индивидуальных переживаний самого подростка.

Отметим, что для понимания полученных данных важно учитывать, что они отражают субъективное восприятие подростков. Это не позволяет прямо утверждать, как мать фактически относится к отцу или как отец действительно относится к подростку. Однако именно субъективный образ семейных отношений является психологически значимым фактором, влияющим на восприятие и переживание подростком отцовской фигуры.

Заключение. Учитывая подтвержденную в нашем исследовании столь высокую важность материнского отношения к отсутствующему в семье отцу ребенка для формирования его всестороннего, достаточно полного образа отца, считаем необходимым подчеркнуть всю социальную и психологическую сложность позиции матери, в одиночку воспитывающей сына. При напряженных, негативных отношениях с отцом, покинувшим семью, мать ежедневно

сталкивается с внутренним конфликтом: выражать свои истинные чувства и отношение или поддерживать у ребенка позитивный или хотя бы сбалансированный образ отца. Разрешение этой моральной дилеммы в пользу ребенка, на наш взгляд, требует от женщины не только высокого уровня осознанности и саморегуляции, но и незаурядной личностной зрелости и мудрости. Считаем, что психологическая помощь в этом ей критически необходима.

Библиографический список

1. Архиреева Т.В. Образ идеального отца у мужчин, имеющих детей // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 70–84. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.6/
2. Верстова М.В., Верстов В.В. Психологическое индуцирование ребенка в семейном конфликте между родителями // Гуманитарные науки. 2023. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-indutsirovanie-rebenka-v-semeynom-konflikte-mezhdu-roditelyami> (дата обращения: 27.04.2026).
3. Волохова В.И., Гурина Е.С., Серко П.М. Взаимосвязь характеристик образа отца и жизнеспособности подростков // День дефектологии. 2025. № 3 (8). С. 101–110. URL: https://arrival.nspu.ru/bitstream/nspu/5540/1/vzaimosvyaz-harakteristik-obraza.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 27.04.2026).
4. Градинар Е.В., Васягина Н.Н. Образ отца у подростков, воспитывающихся в условиях патеральной депривации // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/127PSMN525.pdf> (дата обращения: 27.04.2026).
5. Калина И.А. Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы // Современная зарубежная психология. 2019. 8 (4). С. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080405>
6. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 15–26.
7. Кудайберген А.Б.К., Васягина Н.Н. Феномен образа отца в зарубежных и отечественных исследованиях // Безопасное детство: комфортная образовательная среда – стратегии, практики, ресурсы: сб. науч. тр. VIII Всеросс. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2024. С. 49–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80546628> (дата обращения: 27.04.2026).
8. Некрасова Д.С. Исследование образа отца в одиноких материнских семьях // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Улан-Удэ, 2025. С. 84–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=83047490> (дата обращения: 27.04.2026).
9. Николаева Т.А. Образ отца в представлении подростков из неполных семей // Теория и практика общественного развития. 2025. № 2. С. 36–41. DOI: 10.24158/tipor.2025.2.4
10. Пахомов А.П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса – Леви: особенности конструирования и опыт применения // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 4. С. 99–116.
11. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. 2-е изд. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
12. Румянцева Т.В. Методика «Кто Я?» в исследовании самосознания личности // Психологическая диагностика. 2006. № 1. С. 82–103.
13. Смирнов В.М., Селиванова О.В. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 5. С. 695–714. DOI: 10.18334/et.10.5.117824/

14. Тихомирова Т.Н., Гайсина Д.А., Малых С.Б. Адаптация русскоязычной версии опросника «Юношеский отчет о родительском отношении» // СПЖ. 2021. № 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-russkojazychnoy-versii-oprosnika-yunosheskiy-otchet-o-roditelskom-otnoshenii> (дата обращения: 18.04.2026).
15. Beckmeyer, J.J., Su-Russell, C., & Russell, L.T. (2020). Family management practices and positive youth development in stepfamilies and single-mother families. *Family Relations*, 69 (1), 92–108. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12412>
16. Cao, H., Fine, M.A., & Zhou, N. (2022). The divorce process and child adaptation trajectory typology (DPCATT) model: The shaping role of pre-divorce and postdivorceinterparental conflict. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 25 (3), 500–528. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10567-022-00379-3>
17. DeAnda, J.S., Langlais, M.R., Anderson, E.R., & Greene, S.M. (2020). After the marriage is over: Mothers' separation distress and children's postdivorce adjustment. *Family Relations*, 69 (5), 1113–1127. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12434>
18. Golombok, S., Zadeh, S., Freeman, T., Lysons, J., & Foley, S. (2021). Single mothers by choice: Parenting and child adjustment in middle childhood. *Journal of Family Psychology*, 35 (2), 192. DOI: <https://doi.org/10.1037/fam0000797>
19. Heron, R.L., Eisma, M., & Browne, K. (2022). Why do female domestic violence victims remain in or leave abusive relationships? A qualitative study. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 31 (5), 677–694. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926771.2021.2019154>
20. Kgadima, P., & Spaumer, A. (2026). When co-parenting becomes a battlefield: The impact of a high-conflict divorce on father–child relationships. *Innovation Journal of Social Sciences and Economic Review*, 8 (2). DOI: <https://doi.org/10.36923/ijsser.v8i2.326>
21. Lamb, M.E. (2000). The history of research on father involvement. *Marriage & Family Review*, 29 (2), 23–42. DOI: https://doi.org/10.1300/J002v29n02_03
22. Maiti, S.N. (2024). Domestic risk factors, violence and marital dissolution: Evidence from demographic and health survey of India. *The European Journal of Development Research*, 36, 1147–1170. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41287-024-00628-x>
23. Moles-Kalt, B., Sánchez-Mira, N., & Bernardi, L. (2024). Rethinking maternal gatekeeping from a life-course perspective: A study of post-separation families. *Journal of Marriage and Family*, 86 (4), 815–837. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12969>
24. Morgan, A.K. (2025). Navigating father-child relationships in single mother families: An exploratory narrative analysis. *Journal of Family Studies*, 31 (3), 444–463. DOI: <https://doi.org/10.1080/13229400.2024.2449109>
25. Munir, M., Yuda, T.K., PerdanaKusumah, E., & Suwandi, M.A. (2024). An exploratory study on women single parents' experiences in coping with socioeconomic insecurity. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 44 (7/8), 643–656. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-10-2023-0247>
26. Perez-Vaisvidovsky, N., Halpern, A., Mizrahi, R., & Salmay, Z.A. (2024). Single moms, absent dads: Neglecting fathers and burdening mothers in social work practice with separated families. *European Journal of Social Work*, 27 (1), 205–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691457.2023.2222927>
27. Reis, H.L., et al. (2025). Relations between parental gatekeeping and parenting in families with children: A scoping review. *Psychological Reports*. <https://doi.org/10.1177/00332941251347251>
28. Stern, J.A., Bailey, N.A., Costello, M.A., Hazelwood, O.A., Allen, J.P. (2024). Fathers' contributions to attachment in adolescence and adulthood: The moderating role of race, gender, income, and residential status. *Attach Hum Dev.*, 26 (4), 325–349. DOI: 10.1080/14616734.2024.2366391
29. Tambasco, C. (2024). “I knew exactly How to break Her”: accounting for child-to-parent abuse in the context of men's violence in the home. *Journal of Family Violence*, 1 (17). DOI: <https://doi.org/10.1007/s10896-024-00782-0>

FEATURES OF THE FATHER IMAGE IN ADOLESCENT BOYS FROM SINGLE-MOTHER FAMILIES: THROUGH THEIR MOTHERS' AND THEIR OWN EYES

T.V. Skutina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In recent decades, both public consciousness and academic discourse have witnessed a transformation of the traditional paternal role, along with increasing recognition of the specific contribution of the father and the father image to the child's development and well-being. Given that single-mother families with children under the age of 18 currently constitute approximately one third of all families in Russia, the problem of the mother's influence on the formation of the internal representation of the paternal figure in adolescent boys under conditions of paternal deprivation has become particularly significant and relevant [Nikolaeva, 2025; Nekrasova, 2025; Moles-Kalt et al., 2024; Morgan, 2025; Reis et al., 2025; Kgadima, Spaumer, 2026, etc.].

The purpose of the article is to present the theoretical basis and results of empirical testing of the hypothesis: the image of the father in a teenager is not a direct reflection of his objective behavior and qualities, but is to a greater extent mediated by the mother's attitude towards the father, the less experience the teenager has with communicating with him.

Methodology (materials and methods). The study was conducted using the subject-activity approach (S.L. Rubinstein, A.V. Brushlinsky, K.A. Abulkhanova, etc.) based on S.L. Rubinstein's principle of determinism. The empirical research methodology is an integrative approach: a combination of qualitative analysis of projective data and methods of mathematical statistics. In addition to an introductory questionnaire concerning the father's participation in the life of the family and the child, the study employed modified versions of the Twenty Statements Test "Who Am I?" by M. Kuhn and T. McPartland: "My Father Through My Own Eyes" and "My Father Through My Mother's Eyes"; the author's projective technique "The Mother's Attitude Toward the Father and Interaction with Him", based on the sentence-completion method; and the questionnaire "Youth Report on Parental Attitudes" [Tikhomirova et al., 2021]. The sample consisted of 40 adolescent boys aged 12–14: 20 adolescents from two-parent families and 20 adolescents from single-mother families.

Research results. The findings obtained using the three methods show that the predominant features of the father image among adolescent boys from single-mother families are reduced descriptive richness, predominantly negative emotional valence, and expectation of emotional rejection from the paternal figure. No statistically significant differences were found between the adolescents' own father image and the father image "through the mother's eyes". Exceptions were observed in adolescents who maintained in regular contact with their father, or whose mother conveyed a positive attitude toward a deceased father. By contrast, in adolescents from two-parent families, the father image was more complete, multifaceted, positive, and relatively autonomous from the presumed maternal evaluation; significant differences were found for both positive and negative characteristics.

Conclusions. The obtained data suggest that the father image in adolescent boys from single-mother families is influenced by the mother's attitude toward the father and toward communication with him to a much greater extent than in adolescents from two-parent families. When an adolescent is deprived of the opportunity to form his own image of the father through direct interaction with him, he almost completely reproduces the maternal father image, which in the overwhelming majority of cases is negative. This creates developmental risks, since, as previous studies show, a negative father image constitutes an unfavourable basis for adolescents' personal development and well-being.

The novelty of the study lies in identifying the mother's mediating influence on the father image in adolescent boys, interpreted through S.L. Rubinstein's methodological principle that "external causes act only through internal conditions...". In this study, this principle is applied through adolescents' subjective representations both of their own father image and of the maternal father image.

The results highlight the need for psychological support for mothers raising children alone, particularly in helping them understand the considerable influence they often unconsciously exert on the formation of the adolescent's father image. They also point to the need to address the complex ethical dilemma between maintaining realism and avoiding excessive negativity or one-sidedness in the representation of the father image.

Keywords: *single-mother family, two-parent family, father image through the adolescent's eyes, adolescent's father image through the mother's eyes, maternal influence on the adolescent's father image.*

Skutina, Tatiana V. – Ph.D (Psychology), Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Counseling, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1772-8108>; Scopus Author ID: 57204810030; e-mail: tvforte@mail.ru;

References

1. Arkhireeva, T.V. (2020). Image of the ideal father in men who have children. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 1, 70–84. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.1.6>
2. Verstova, M.V., & Verstov, V.V. (2023). Psychological induction of a child in a family conflict between parents. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 4 (64). DOI: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-indutsirovanie-rebenka-v-semeynom-konflikte-mezhdu-roditelyami>
3. Volokhova, V.I., Gurina, E.S., & Serko, P.M. (2025). Relationship between characteristics of the father image and adolescents' resilience. *Den defektologii* [Day of Defectology], 3 (8), 101–110. DOI: <https://arrival.nspu.ru/bitstream/nspu/5540/1/vzaimosvyaz-harakteristik-obraza.pdf>
4. Gradinar, E.V., & Vasyagina, N.N. (2025). The image of the father in adolescents raised under conditions of paternal deprivation. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 13 (5). DOI: <https://mir-nauki.com/PDF/127PSMN525.pdf>
5. Kalina, I.A. (2019). Fatherhood as a psychological phenomenon: A review of modern foreign literature. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 8 (4), 49–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080405>
6. Kalina, O.G., & Kholmogorova, A.B. (2007). The influence of the father image on emotional well-being and gender-role identity of adolescents. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1, 15–26.
7. Kudaybergen, A.B.K., & Vasyagina, N.N. (2024, April 25–26). The phenomenon of the father image in foreign and domestic studies. In *Safe childhood: Comfortable educational environment – strategies, practices, resources* (pp. 49–55). The 8th All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, Russia. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80546628>
8. Nekrasova, D.S. (2025, September 25–26). A study of the father image in single-mother families. In *Forms and methods of social work in various spheres of life activity* (Vols. 1–2, pp. 84–87). The 14th International Scientific and Practical Conference Ulan-Ude, Russia. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=83047490>
9. Nikolaeva, T.A. (2025). The image of the father in the representations of adolescents from single-parent families. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2, 36–41. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.2.4>
10. Pakhomov, A.P. (2012). The Sachs–Levy “Incomplete Sentences” technique: Features of construction and application experience. *Eksperimentalnaya psikhologiya* [Experimental Psychology], 5 (4), 99–116.
11. Rubinstein, S.L. (1976). *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow, Russia.
12. Rumyantseva, T. V. (2006). The “Who am I?” technique in the study of personality self-consciousness. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics], 1, 82–103.
13. Smirnov, V.M., & Selivanova, O.V. (2023). Single-parent families in Russia: Scale, problems, and social assistance. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], 10 (5), 695–714. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824>
14. Tikhomirova, T.N., Gaysina, D.A., & Malykh, S.B. (2021). Adaptation of the Russian-language version of the “Youth Report on Parental Attitudes” questionnaire. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-russkoyazychnoy-versii-oprosnika-yunosheskiy-otchet-o-roditelskom-otnoshenii>
15. Beckmeyer, J.J., Su-Russell, C., & Russell, L.T. (2020). Family management practices and positive youth development in stepfamilies and single-mother families. *Family Relations*, 69 (1), 92–108. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12412>
16. Cao, H., Fine, M.A., & Zhou, N. (2022). The divorce process and child adaptation trajectory typology (DPCATT) model: The shaping role of pre-divorce and postdivorceinterparental conflict. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 25 (3), 500–528. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10567-022-00379-3>

17. DeAnda, J.S., Langlais, M.R., Anderson, E.R., & Greene, S.M. (2020). After the marriage is over: Mothers' separation distress and children's postdivorce adjustment. *Family Relations*, 69 (5), 1113–1127. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12434>
18. Golombok, S., Zadeh, S., Freeman, T., Lysons, J., & Foley, S. (2021). Single mothers by choice: Parenting and child adjustment in middle childhood. *Journal of Family Psychology*, 35 (2), 192. DOI: <https://doi.org/10.1037/fam0000797>
19. Heron, R.L., Eisma, M., & Browne, K. (2022). Why do female domestic violence victims remain in or leave abusive relationships? A qualitative study. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 31 (5), 677–694. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926771.2021.2019154>
20. Kgadima, P., & Spaumer, A. (2026). When co-parenting becomes a battlefield: The impact of a high-conflict divorce on father–child relationships. *Innovation Journal of Social Sciences and Economic Review*, 8 (2). DOI: <https://doi.org/10.36923/ijsser.v8i2.326>
21. Lamb, M.E. (2000). The history of research on father involvement. *Marriage & Family Review*, 29 (2), 23–42. DOI: https://doi.org/10.1300/J002v29n02_03
22. Maiti, S.N. (2024). Domestic risk factors, violence and marital dissolution: Evidence from demographic and health survey of India. *The European Journal of Development Research*, 36, 1147–1170. <https://doi.org/10.1057/s41287-024-00628-x>
23. Morgan, A.K. (2025). Navigating father-child relationships in single mother families: An exploratory narrative analysis. *Journal of Family Studies*, 31 (3), 444–463. DOI: <https://doi.org/10.1080/1322940.2024.2449109>
24. Moles-Kalt, B., Sánchez-Mira, N., & Bernardi, L. (2024). Rethinking maternal gatekeeping from a life-course perspective: A study of post-separation families. *Journal of Marriage and Family*, 86 (4), 815–837. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12969>
25. Munir, M., Yuda, T.K., PerdanaKusumah, E., & Suwandi, M.A. (2024). An exploratory study on women single parents' experiences in coping with socioeconomic insecurity. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 44 (7/8), 643–656. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-10-2023-0247>
26. Perez-Vaisvidovsky, N., Halpern, A., Mizrahi, R., & Salamy, Z.A. (2024). Single moms, absent dads: Neglecting fathers and burdening mothers in social work practice with separated families. *European Journal of Social Work*, 27 (1), 205–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691457.2023.2222927>
27. Reis, H.L., et al. (2025). Relations between parental gatekeeping and parenting in families with children: A scoping review. *Psychological Reports*. DOI: <https://doi.org/10.1177/00332941251347251>
28. Stern, J.A., Bailey, N.A., Costello, M.A., Hazelwood, O.A., Allen, J.P. (2024). Fathers' contributions to attachment in adolescence and adulthood: The moderating role of race, gender, income, and residential status. *Attach Hum Dev.*, 26 (4), 325–349. DOI: [10.1080/14616734.2024.2366391](https://doi.org/10.1080/14616734.2024.2366391)
29. Tambasco, C. (2024). “I knew exactly How to break Her”: accounting for child-to-parent abuse in the context of men's violence in the home. *Journal of Family Violence*, 1 (17). DOI: <https://doi.org/10.1007/s10896-024-00782-0>